

лям. Но этим обработка темы не ограничилась: для ее развития у него был и другой источник — его наблюдательность, чувство окружающей действительности, придавшие его рассказу реалистические и бытовые черты. Так: чтобы найти подходящего человека для укрощения коня, Михаил повелевает «клич кликать» по Царьграду; Василий по дошедшим таким образом до него слухам сам является к царю (а не присылается сообщившим о нем царедворцем) с предложением услуг; чтобы заявить царю о своей готовности, Василий пользуется случаем добраться до царя, когда царь идет к вечерне, ловит его на дороге; после первой неудачной попытки («бояря отбиша его прочь») повторяет ее, когда царь идет к заутрени — и на этот раз удачно. Накануне ссоры оба царя, Михаил и Василий, были у заутрени и на литургии, после чего Михаил приглашает Василия через посла к своему столу («посла весть к царю Василию»). Царь принимает Василия, сидя на престоле, после чего переходит и садится за стол кушать. Царскую спальню охраняют пятьсот «стрельцов» во дворе и еще больше на крыльце и в сенях. Убивши Михаила, Василий приказывает соорудить столп — лобное место, с которого объявляет о смерти Михаила народу («князи, бояря и вси Цареградстии мужи») и спрашивает, кому быть наследником Михаила в его владениях; народ же собирают при помощи звона в «вечный» (вечевой) колокол. Словом, вся обстановка рассказа такова, будто дело происходит в Русской земле и даже в царской Москве XVI—XVII вв.: эта обстановка, видимо, хорошо известна и привычна для составителя Повести.¹ Эти реально-бытовые черты в Повести говорят будто за то, что и сама Повесть сложилась в Москве, во всяком случае в центральной России.

За такое же, русское, происхождение Повести говорят и точки соприкосновения ее в композиции и строении с произведениями не книжной, а усной русской словесности, в частности со сказкой: таково самое начало Повести, напоминающее обычный «зачин» сказки, двукратная попытка Василия с предложением услуг царю, передаваемая при помощи повторения одинаковых выражений (в сказках чаще «повторение» — трижды); совершенно так же, как в сказках, в Повести охотно применяется и более простая формула «повторения»: «князья, бояря и вельможи», эпитеты:

¹ Ср. И. Е. Забелин, Быт русских царей, т. I (изд. 4), главу IV, а также т. II, стр. 360 и сл., также стр. 467. Сцена «избрания» на царство Василия и «вечный» колокол, может быть, восходит к каким-нибудь воспоминаниям о Новгородских порядках или порядках Смутного времени, конечно, хорошо известных и памятных и в Москве. Характерна, быть может, по отношению к происхождению Повести описка писавшего Унд. 942: Василий происходит из «Московские (вм. Македонские) области».